

О.И. ШКАРАТАН

СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА, ОБРАЩЕННАЯ В ПРОШЛОЕ (ЧАСТЬ 1)¹

Аннотация. Общественное устройство современной России рассматривается нами как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в многовековое прошлое страны — носительницы евразийской православной цивилизации. Анализируются различные этапы ее развития, начиная с XIII века и заканчивая современностью. В итоге показано, что крах коммунистической системы в России означал переход евразийской цивилизации на новый этап ее эволюции, каковым является неозакратический социально-экономический порядок и классический авторитаризм.

В публикуемой части 1 данной статьи рассмотрено «влияние пройденного пути» на социальную систему современной России, а также показано, что до середины XIII века Русь была раннефеодальным обществом, тесно переплетенным с Европой экономическими, политическими, культурными и династическими связями. Ордынская система привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности. Государство навсегда возвысилось над русским обществом и превратилось в главный фактор его развития. На этой исторической почве и сформировался сословный строй как отличительная институциональная и стратификационная система Московской Руси — царской, советской и постсоветской России.

Шкаратан Овсей Ирмович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, Факультет экономических наук, Национальный университет «Высшая школа экономики». Адрес: 119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, корп. 4, ком. 42346. Телефон: +7(495) 772-95-90.

Электронная почта: ovsey@hse.ru

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «20 лет спустя. Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян (по материалам повторных представительных опросов. Январь 1994 г. — декабрь 2013 г.)», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Ключевые слова: этакратизм, неоэтакратизм, сословная система, дуалистическая социальная стратификация, сословно-властные отношения, государственный способ производства, евразийская цивилизация.

Исходные посылки оценки «влияния пройденного пути» на современную Россию

Более четверти века в России идут дискуссии о выборе путей развития страны, о нахождении оптимальной стратегии нашего экономического и социального продвижения в динамично меняющемся мире. На протяжении 1990-х годов доминировал либеральный проект, основанный на идее предельной свободы рыночных сил, ограничении роли государства в экономике. В качестве образца рассматривалась англо-американская модель капитализма. Но ни англо-американская, ни европейские, ни восточноазиатские формы капитализма не имеют никакого отношения к нашей жизненной практике. Теперь, правда, с запозданием, эта точка зрения приобретает все больше сторонников. Наша практика, наш опыт, наши перспективы могут и должны быть осмыслены в адекватных им терминах, объяснены адекватной теорией. Даже терминология, применяемая в европоцентристском подходе (тоталитарное общество, авторитаризм, демократия, правовое государство, общественное мнение) не отражает сущностных свойств обществ, обладающих другими (то есть не европейскими, не атлантическими и не восточноазиатскими) институциональными структурами и культурой.

Общественное устройство современной России рассматривается нами как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в многовековое прошлое страны — носительницы евразийской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества, — которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе. Таким образом, в социальном пространстве Европы сосуществуют, по меньшей мере, две самостоятельных цивилизации, другими словами, две существенно разнящихся «Европы».

Осмыслить современные события, раскрыть сущность настоящего можно, если «ничего не придумывать, но попытаться понять логику развития самой России», ее двенадцативековой истории [21, с. 3].

Авторы концепций и более частных суждений, как правило, оценивали свой подход, положенный ими в основу оценки «влияния пройденного пути» на современную Россию, в качестве необходимого и достаточного обоснования и объяснения цивилизационной индивидуальности русского социума и вытекающей отсюда своеобразности

и истории, и современного состояния России. Представляется, что каждая из значимых и научно фундированных концепций является обоснованием и раскрытием одного из факторов формирования современной российской цивилизации, современной российской социальной системы.

Такие современные отечественные авторы, как А.С. Ахиезер, Ю.С. Пивоваров, В.Б. Пастухов, Р.М. Нуреев, А.С. Панарин, Ю.В. Латов, В.Н. Лексин, Л.Г. Бызов, И.Б. Чубайс, А.А. Сусоколов, И.Г. Яковенко и другие раскрыли специфичность отечественной истории, организации экономической и социальной жизни, культуры и менталитета русских. Их исследования показали решающую роль следующих факторов: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, — многовековой процесс собирания земель, то есть экстенсивный рост на протяжении примерно шестисот лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие — огромного напряжения народных сил.

На протяжении всей своей истории Россия всегда была сравнительно бедной страной. Эта бедность оказывала влияние на ход развития страны. Столетиями существовало немало возможностей для России, когда отечественные реформаторы при участии зарубежных профессионалов создавали планы по развитию и выявлению скрытого богатства России. Однако из-за множества причин эти планы обычно не были реализованы.

В связи с этим Ю.А. Левада писал: «... в России никогда не были возможными эффективные (соответствующие каким бы то ни было замыслам и планам) изменения “сверху” — каждая волна перемен, навязанных волей власти или стечением обстоятельств, переходя от одного временного слоя к другому, от центра к периферии, трансформировались многократно, создавая как очаги молчаливого сопротивления, так и многообразные формы мимикрии и приспособления к переменчивым обстоятельствам. Сопротивление любым переменам (независимо от их направленности) в России всегда опиралось прежде всего на эту инерцию социального и человеческого “материала”, в меньшей мере — на что-то заинтересованное или привычное противодействие» [9, с. 275, 276].

По соседству с Русью / Россией развивалась Европа. С отливом народной жизни с Приднепровья на Северо-Восток порвались повседневные связи с Европой. Интересы собственно русских (будущих великороссов), формировавшихся как народ в бассейне Верхней Волги, ставшей главной рекой хозяйственной и государственной жизни,

сместились резко на Восток. Будущие белорусы и украинцы подпали под власть Великого княжества Литовского, утратив и политические, и во многом экономические и культурные связи с восточными русскими княжествами.

Но прошло время, и именно Северо-Восточная Русь приняла на себя собиранье русских земель. Одновременно началась продолжившаяся с XV по XX век геополитическая активность России по своему территориальному расширению на восток.

Арнольд Тойнби высоко оценил этот динамизм русского народа.

В то же время по мере восстановления контактов с не столь уж продвинутыми западными соседями (Литва, Польша, Швеция) стало очевидным многопоколенное отставание страны. Со времен первого независимого правителя России Ивана III и до времен Петра Великого шло превратившееся затем в привычную повседневность присвоение прогрессивных технико-экономических и культурно-бытовых новаций с Запада *при консервации институциональных и ценностно-нормативных структур*. Однако этот путь каждый раз приводил страну после динамичного развития к длительному периоду стагнации и необратимому отставанию от стран, образующих ядро мир-экономики.

Об этом писал уникальный знаток России, ее культуры, ее истории Джеймс Биллингтон: «Не раз русские пытались завладеть плодами других культур в одночасье, без переходного процесса медленного роста и глубинного понимания. Россия приняла византийское наследие, так сказать, оптом, не вникая в подробности и не усвоив традиций спокойных, сдержанных философских рассуждений. Дворянство переняло язык и стиль французской культуры, но не ее критический дух и постоянно стремилось сплотиться с идеализированными сектантскими или крестьянскими общинами, не участвуя в трудах этих недворянских элементов и не разделяя их веры. Радикальная интеллигенция благоговела перед западной наукой XIX в., однако ж не воссоздавала ту атмосферу свободной критики, которая и сделала возможным научный прогресс. Исследование “проклятых вопросов” происходило не в академиях и даже не на рыночных площадях, а в оккультных кружках и в “эзоповских” газетах». [3, с. 687]. Как давно установили историки, только стимулирование свободного творческого развития на базе собственной традиционной культуры может вывести страну из состояния отсталости и застоя.

Государственно-сословная система vs феодальная

До середины XIII века, то есть до монгольского нашествия, Русь была типичным раннефеодальным обществом, тесно переплетенным с Европой экономическими, политическими, культурными и династическими связями. Постепенно складывались социально-

экономические отношения с частной собственностью, зависимым крестьянством, растущими городами с сильным купечеством и развитым ремеслом. «Тогдашние русские города были настоящими западными городами, — отмечал Ф. Бродель. — Киевская Русь веками славилась именно блеском своих городов, символизовавших материальное благополучие страны: в этом плане между Западом и Востоком Европы не наблюдалось никакого отставания, никакого разрыва» [4, с. 504] Отличие состояло в том, что тогдашние русские города не были полностью отделены от окружающей их сельской местности. И тот же автор добавляет, что невозможно представить себе Киевскую Русь, которая бы не защищала пространство от Балтики до южных морей, не контролировала бы торговые связи между ними. [4, с. 502] Однако, то обстоятельство, что русская цивилизация, русский мир, начиная с X века, оказались в орбите Византии, способствовало становлению и постепенному углублению различий между Восточной и Западной Европой.

Западная церковь, экуменическая по сути, выходит за рамки отдельных государств, она сохраняет во все времена свою иерархию, централизацию, единый язык — латынь, который выступает орудием единения. Византийская же церковь существовала в границах мощной империи, которая господствовала над церковью, подчинила ее своим интересам и ограничила ее влияние только духовной сферой. «Православная церковь, пустившая корни в России, в меньшей степени, чем западная, отличалась от своих верующих и была наполовину равнодушной к политике» [4, с. 506].

Согласно концепции Ю. Пивоварова и А. Фурсова, о влиянии ордынского господства на Русь написано много, но, по представлению этих исследователей, самое важное ускользнуло от внимания ученых. Суть в следующем. В домонгольской Руси власть была, как правило, рассредоточена между «углами» «четырёхугольника»: князь — вече — боярство — церковь. Конструкция была цельной, хотя и в одних землях сильнее было боярство (Галицкая Русь); в других — вече (Новгород, Псков, Вятка); в третьих — князь (Владимирская Русь). Различалось и влияние церкви. Однако ни в одном из случаев князь не был единственной властью, и в целом ситуация походила на европейскую. [17, с. 189–190].

«Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому ордунгу — Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, — ту “массу насилия”, которая обесценивала властный потенциал боярства и веча...

...Христианский мир носит полисубъектный характер по определению. Субъектность предполагает наличие двух и более сторон. В христианском мире, а Русь была его частью, субъектны индивиды,

корпорации (цехи, университеты), города, монархи. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом стала Власть. Да еще церковь — по поручению Власти». [17, с. 182–183]

С этого времени системообразующим элементом русской истории, отмечают Пивоваров и Фурсов, выступает «Власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер — буржуазный или антибуржуазный...» [17, с. 188–189]. По мнению этих авторов, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип: «Власть — все, население — ничто»; Власть — единственно значимый социальный субъект [17, с. 189–190].

Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной. «...Ордынское иго не просто изменило властные отношения на Руси — оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта». [17, с. 189]

Именно Ордынская система на смену формировавшемуся, но еще не сложившемуся феодальному классовому обществу Киевско-Новгородской Руси привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и рыхлую бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности, без социальных групп собственников. В ту эпоху и сформировались на столетия вперед качественные отличия русской – российской социальной системы от европейской.

Под монгольским игом все контакты с Западной Европой были разорваны. Вследствие этого Россия упустила возможности, которые предоставляли Ренессанс, Реформация и Просвещение. Монгольские ханы правили согласно классическому принципу «разделяй и властвуй». Они не были заинтересованы в колонизации, но сосредоточились на сборе дани и на требовании полного повиновения. Существенной особенностью этой формы управления было то, что русские города постепенно утратили свои свободные городские институты.

В то же время религиозная жизнь русских оставалась независимой от монголов. Для русской православной церкви монгольское иго было временем благополучного существования. Проявляя весьма малый интерес к религиозной практике русских, монголы сохраняли требования, что ортодоксальная церковь должна верно служить мусульманскому хану и его семье. В свою очередь, церкви и монастыри

были полностью освобождены от налогов и поборов. Всегда готовая защищать свое растущее благополучие церковь постоянно взаимодействовала с Сараем и поддерживала все инициативы, исходившие со стороны Москвы по объединению вокруг нее других русских княжеств.

Монголы, расположившиеся в главных русских городах, не только подавляли частые восстания, но также вмешивались в местные конфликты по просьбе одной из враждующих сторон. Что наиболее важно, — это то, что ханы сохранили за собой право решать, кто будет руководить в различных русских княжествах. *С этого времени страна из европейской стала евразийской.*

Как писал политолог В.Б. Пастухов: «Если германские народы, окропив греко-римское поле своей кровью, способствовали укоренению в нем семян племенной демократии, чем обусловили ведущую роль гражданского общества в западной истории, то Орда одарила Русь вирусом восточной государственности. Завоевание Китая не прошло для монголов бесследно. В государственном строе, даже в менталитете Орды отразился дух древнейшей культуры Востока. Монголы перенесли китайскую культуру на запад, как комар переносит малярию. Китайский экстракт, разбавленный монгольской воинственностью, компенсировал извечную славянскую неспособность к формированию государственности без посторонней помощи. Но с преимуществами пришлось усвоить и недостатки. Государство навсегда возвысилось над русским обществом и превратилось в главный фактор его культурного развития. В русской культуре много противоречивых сочленений. Одно из них — *соединение общества, тяготеющего к западному типу, с государственностью восточного типа*» (подчеркнуто мною. — *О.Ш.*) [15, с. 69].

В 1353 г. за Московией ханом была признана юридическая власть над всеми другими княжествами. Создание сильной централизованной Московии параллельно сопровождалось деятельностью по подавлению института частной собственности, что формировало определенную специфику государства. Ранняя Московия так же, как и Киевская Русь, базировалась на системе наследования частной собственности. Не случайно, что с киево-новгородских времен русское название формы землевладения во всех частях русской земли было одним и тем же — «вотчина», что означало индивидуальную частную собственность, переходившую по наследству от отца к сыну, и независимую от князя. Бояре — владельцы вотчин тогда были абсолютными собственниками, они могли оставить службу у одного князя и перейти к другому без потери собственности.

Но вскоре этот порядок, столь схожий с европейским, изменился. Особенность российской истории состоит в том, что развитие прав

собственности осуществлялось иначе, чем в Западной Европе. В Московской Руси наиболее значимым инструментом стала соревновательная форма землевладения, известная как поместье. Земля не закреплялась в этих случаях за княжескими дружинниками и служилой челядью, а была наградой за их службу. По мере территориальной экспансии со стороны Москвы эти правила распространялись и на вновь приобретенные земли, поместное землевладение превратилось в основную форму и стало доминировать над вотчинным землевладением. Со времен Ивана III земля не должна была быть отделена от служения, этот принцип оставался неизменным в течение последующих трех столетий, вплоть до времен Екатерины Великой. Можно сказать, что русские правители следовали монгольскому примеру абсолютного повиновения нижестоящих без каких-либо сопутствующих этому встречных обязательств со стороны вышестоящих. Другими словами, в XV–XVIII веках принцип принудительной службы стал общенациональным, обеспечивая тем самым основу патримониального государства.

На этой исторической почве и сформировался сословный строй, сословный порядок как отличительная институциональная и стратификационная система Московской Руси — царской, советской и постсоветской России. Мы относим к сословным обществам лишь российское. Вероятно, круг таких обществ может быть расширен, но без включения западноевропейских.

Не случайно, что именно выдающемуся российскому историку В.О. Ключевскому принадлежит детальное описание сословий и сословных отношений. Начатки сословного строя, по Ключевскому, кроются «в самом возникновении древне-русского Московского государства». Юридическим завершением образования русских сословий послужили сословные жалованные грамоты императрицы Екатерины II 1785 года. Вот как Ключевский определял понятие «сословия» в своей «Истории сословий в России»: «*Сословие (ordo или status, франц. etat, нем. Stand)* — термин государственного права и обозначает известный ряд политических учреждений. Сословием мы называем классы [«класс» для него здесь просто синоним понятия «группа». — *О.Ш.*], на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе; итак, сословное деление — существенно *юридическое*, устанавливается законом в отличие от других общественных делений, устанавливаемых условиями экономическими, умственными и нравственными, не говоря о физических. Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит *различие прав, а не обязанностей*» [7, с. 1–2].

Сословное деление устанавливается Законом в отличие от других общественных делений. Это в первую очередь юридическое, а не, скажем, этническо-религиозное или экономическое деление. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы [7, с. 79].

Российская государственность на всем протяжении своего существования поддерживала устойчивость именно посредством превращений юридически гарантированных прав в привилегии отдельных сословий и правовой неотрегулированности их отношений с теми, кто таких прав был лишен. *Другими словами, со времен возникновения в «теле» Золотой Орды Московской Руси-России и поныне принцип законности никогда не был универсальным регулятором отношений между людьми.*

Надо заметить, что вообще попытки включения средневековой Руси в число стран феодального типа были предприняты под давлением идеологов советского режима. Была сформирована специальная теория русского феодализма, которая, правда, признавала, что эта разновидность феодализма имеет свои особенности, объясняемые климатом, географической средой и социально-экономической отсталостью. Однако в традициях национальной исторической школы, олицетворяемой такими классическими именами, как С. Соловьев, В. Ключевский, П. Милюков, Г. Вернадский, всегда подчеркивалась специфика социально-культурного пространства России по сравнению с Западной Европой. Отрицалась правомерность переноса понятийного аппарата западноевропейской средневековой истории на реалии русских средневековых институтов. Не признавалось существование феодализма как такового в средневековой России [20, с. 90–108].

Нам в свою очередь сейчас важнее обратить внимание на обратное соотношение сословной стратификационной системы, адекватно отражающей сущность социальной иерархии средневековой Руси-России, и ее неадекватности средневековым западноевропейским государствам. Для российской истории не было характерным превращение вассалов в суверенных землевладельцев, также трудно было бы применить и концепцию взаимной лояльности, которая признается ключевой для описания сущности западноевропейского феодализма.

Совершенно очевидно качественное отличие сословной системы отношений — с всеилием верховной власти, неурегулированностью отношений собственности законодательством, размытостью обязанностей и т. д., от западноевропейской феодальной — с ограниченными законами правами верховной власти, символизирующей волю государства. Поэтому никак нельзя согласиться с теми авторами, которые относят к развитым сословным системам в равной степени феодальные западноевропейские общества и средневековую Россию.

Западноевропейское общество в его зрелом состоянии, с феодами и закрепленной частной собственностью, является скорее видом классового общества, а не сословного.

Как справедливо отмечает (вслед за Г.В. Плехановым) современный российский экономист А.А. Аузан, крепостничество — совсем не то же, что поземельная феодальная зависимость в Западной Европе. Феодальная зависимость строится на том, что крестьянин владеет наделом и за это несет обязанности. В России же крестьянину не надо было обменивать свою свободу на владение землей, свободных земель было в достатке. Поэтому происходило обратное. Не земля закреплялась за крестьянином, а он за землей. Очевидно, что «эта схема вообще не работает как экономическая схема. Если не будет постоянно присутствовать принуждение государства, у крестьянина нет стимула оставаться — его нужно удерживать» [1, с. 19–20].

Аузан также напоминает, как формировалась Московская Русь — на сугубо военно-поместных отношениях, без торгово-ремесленных структур, столь органичных для Киевско-Новгородской Руси. Поэтому не случайно, что «...злейшим врагом для Московского государства стал Новгород». Его уничтожали несколько раз под корень, «потому что это было антитело». Ни вечевых городов, ни городских республик не осталось [1, с. 19–20].

Примем во внимание столь определяющую для судеб народа составляющую его исторического развития, как отношения собственности. Как и всюду на Востоке, со времен Золотой Орды на Руси, а позднее в Российском государстве отдельный человек не мог быть собственником, а мог быть лишь владельцем. Верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными являлось государство, которое стало со времен Ивана Грозного типичной деспотией, а все подданные оказались в состоянии поголовного рабства.

Лишь во второй половине XVIII в. возникла частная собственность на землю и другое имущество наряду с гражданскими правами для привилегированного дворянского меньшинства. В 1762 г. император Петр III издал Указ, по которому дворяне были освобождены от обязательной службы с сохранением прав на землю. Но этот документ не внес полной определенности в статус земли и работавших на ней крестьян (до того находившихся в собственности государя). Тем не менее можно считать, что с этого времени в России появился класс свободных подданных, не зависевших от государства. В 1765 г. Екатерина II своим Указом объявила владельцев поместий вне зависимости от наличия документальных подтверждений *de jure* собственниками земель. Наконец, в 1785 г. императрица подписала знаменитую Жалованную грамоту дворянству, по которой «благородное российское

дворянство» получило в полную и неотчуждаемую собственность свои владения, то есть земли, заселенные крестьянами. Произошло это на шесть столетий позже, чем в Англии. Само понятие «собственность», введенное Жалованной грамотой, вошло в обиход, к примеру, в Германии еще в первой половине XIII века. Грамота декларировала «вольность и свободу дворян», добровольный характер их службы государству. С этого времени дворянство могло покинуть государственную службу и создавать свои собственные предприятия, но первые, кто этим занялись, оказались одиночками на рынке.

В том же 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту городам. Горожане были разделены на два сословия купцов и мещан. И те и другие могли владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью. [14, с. 248–249, 251; 13].

Что же касается основной массы населения — крестьянства, то их превращение в собственников обрабатываемой ими земли так и не завершилось вплоть до 1917 г. [18]. Б.Н. Миронов пишет: «Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях, производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян. Начиная с 1861 года, сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы — “черный передел”, т.е. экспроприация всех частновладельческих земель — и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян — в пользу крестьянской общины» [13, с. 344].

В контексте обсуждаемой проблемы имеет смысл остановиться на аграрном проекте П.А. Столыпина, который так и не был доведен до успешного завершения, не только и не столько из-за гибели самого инициатора аграрной реформы, сколько в силу решительного сопротивления основной массы крестьянства ликвидации общинной организации и воспрепятствования ими становлению взамен нее частнособственнической фермерской модели. Здесь сошлись воедино интересы большинства крестьян-общинников, сторонников сохранения регулярных переделов земли в пользу малоземельных крестьян и в ущерб крепким хозяевам, и самодержавной «народной» монархии, которая видела в крестьянской общине одну из самых надежных опор своего существования.

В канун Октябрьского переворота 1917 года для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией. В крестьянине так и не удалось воспитать естественное чувство собственника, он так и не был приучен, по выражению Столыпина, обихаживать, улучшать землю, которая находилась во временном его пользовании, то есть оставалась чужой, а отсюда следом шла и бедность, «худшее

из рабств». К этому времени не удалось на основе реформ П.А. Столыпина трансформировать основную часть сельских общинников в независимых фермеров. До Первой мировой войны из общины вышло чуть больше пятой части крестьянских дворов². Другими словами, Россия не прошла тот путь от традиционного общества к феодальному и от него к капиталистическому, который проделали страны европейского цивилизационного ареала.

В связи с этим весьма ценны суждения выдающегося русского историка и видного либерала П.Н. Милюкова. Еще в годы революции он доказал, что Руси-России было присуще специфическое (пульсирующее) развитие общества, состоявшее в закреплении и раскреплении сословий государством. Данная концепция, разработанная либеральной академической наукой, является примером реального научного прогноза, в котором утверждается возможность воспроизводства в будущем параметров социально-экономических отношений, уже имевшихся в прошлом. Универсальностью этих параметров объясняется поразительный факт, зафиксированный П.Н. Милюковым: русская история XX в. ближе к истории XVII в., чем XIX-го. По его мнению, аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным для него огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном [12].

На этой основе стало возможным фактическое восстановление квазисословной системы, закреплении сословий государством, формирование особого служилого слоя (номенклатуры) в СССР. То есть, реализовалась возможность воспроизводства под видом «социализма» параметров социальных отношений, имевших место в средневековом прошлом. Можно констатировать, что данная концепция позволяет объяснить, почему вопрос о радикальном изменении форм собственности, прежде всего на землю, возникал в российской истории с регулярной периодичностью на этапах крупных реформ и столь же регулярно отодвигался в сторону в застойное время [10, с. 75; 11].

Я проиллюстрирую концепцию Милюкова весьма характерным высказыванием Д. Биллингтона. Он подчеркивал, что создавая новую культуру в постсоветское время, русские стремились «...возродить

² См. книгу А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко «История России: конец или новое начало?» [2, с. 290]; иные данные приведены в монографии В.Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа» [19, с. 196]. Он отмечает, что 27% домохозяйств успели выйти из общины, а сопоставимое число домохозяйств получило землю при землеустройстве.

свою национальную духовность, которая была практически уничтожена первым в мире атеистическим государством... В обстановке «нового смутного времени русские вновь обратились к неисчерпаемым богатствам своего культурного прошлого... Верхний, самый заметный пласт составляла массовая культура конца XIX века с ее богатым литературным и музыкальным наследием, культура политически ангажированной интеллигенции; под ней лежал пласт имперской культуры XVIII века с ее изумительной архитектурой — культуры, сформировавшейся вокруг Санкт-Петербурга и придворной аристократии. *А в фундаменте покоился пласт православной культуры восточных славян, центром которой была скорее Москва, чем древний Киев, и которая явилась плодом творчества монахов — первой на Руси и наиболее долговечной культурной элиты*» (подчеркнуто мною. — О.Ш.) [4, с. 25–26].

По мнению А. Кончаловского: «Культура народа сегодня успешно освободилась от европейских традиций, которые были насильно навязаны ей Петром, и от той части европейского русского, что было воспитано за 300 лет. Поэтому сегодня царствует Московия, ордынский синдром и видимость демократии...» [8].

В другом выступлении А. Кончаловский сформулировал свой вывод: «То, что происходит в России сегодня, — следствие того, что мы страшно боимся проанализировать собственную историю и разобраться в том, кто мы такие. До тех пор, пока мы не разберемся, какие элементы культурного кода русского человека являются доминирующими, мы будем думать о том, что экономические реформы сами образуют нашу жизнь» [6].

Таким образом, под влиянием исторических факторов сработала, реализовала себя path dependence theory, воспроизведя в XX–XXI веках властно-сословные отношения и морально-этические ценности, казалось бы, давно умершей средневековой Руси. Позаимствую у Ю.С. Пивоварова глубокие наблюдения «со стороны», а именно американского исследователя Шейлы Фицпатрик, которая считала, что большевики, подчеркивая идею классовой принадлежности, на практике вернулись к прежней сословной системе, при которой права и привилегии зависят от того, кем ты официально считаешься — дворянином, купцом или крестьянином. Главными, как и в дореволюционной России остались отношения человека с государством. Ибо оно являлось распорядителем товаров в системе экономики хронического дефицита. Значимые социальные иерархии в СССР основывались не на производстве, а на потреблении, статус в реальной жизни был связан с большим или меньшим доступом к жизненным благам, что определялось привилегиями, даруемыми государством. [17, с. 76]. В

постсоветской реалии многие черты этой средневековой сословности, к сожалению, сохранились.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аузан А.А.* Кризис ожиданий и варианты социального контракта // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 16–23.
2. *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013. — 496 с.
3. *Биллингтон Дж. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Изд-во «Рудомино», 2001. — 880 с.
4. *Биллингтон Дж.* Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре. М.: Логос, 2001. — 247 с.
5. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. Б.А. Ситникова. М.: Весь Мир, 2008. — 545 с.
6. *Гусарова Ю.* Андрей Кончаловский vs Александр Аузан: У русского человека нет желания быть богатым, 25.02.2015 // Snob.ru [электронный ресурс]. Дата обращения 25.02.2015. URL: <<http://snob.ru/selected/entry/88524>>.
7. *Ключевский В.О.* История сословий в России. 3-е изд. Петроград: Лит.-изд. отдел Комиссариата народного просвещения, 1918. — 276 с.
8. *Кончаловский А.* О кризисе церкви, президенте-предателе и поиске счастья, 30.04.2013. [электронный ресурс]. Дата обращения 21.01.2015. URL: <top.rbc.ru/viewpoint/30/04/2013/856341.shtml>.
9. *Левада Ю.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. — 384 с.
10. *Медушевский А.Н.* Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. № 1. С. 59–98.
11. *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII – начало XXI века А.Н. Медушевский; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. — 639 с.
12. *Милюков П.Н.* История Второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. — 768 с.
13. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. XVIII – начало XX в. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Т. 1. 2-е изд., исправл. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. — 586 с.
14. *Пайпс Р.* Собственность и свобода / Р. Пайпс; Отв. за вып. О. Разуменко. М.: Московская школа политических исследований, 2000. — 415 с.
15. *Пастухов В.Б.* Шаг назад, два шага вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // ПОЛИС. 2005. № 6. С. 66–91.
16. *Пивоваров Ю.С.* О «советском» и путях его преодоления (статья первая) // ПОЛИС. 2014. № 1. С. 60–82.
17. *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская Система и реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 176–196.

18. Собственность на землю в России: история и современность / Отв. ред. Д.Ф. Аяцков. М.: РОССПЭН, 2002. — 587 с.
19. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 304 с.
20. Черникова Т.В. Средневековое землевладение и проблемы феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 96–108.
21. Чубайс И. Россия в поисках себя. Как мы преодолеем идейный кризис. М.: Изд-во НОК«Музей бумаги», 1998. — 158 с.

Дата поступления: 27.01.2015.

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)
2015. VOL. 21. NO. 3. P. 88–104**

O.I. SHKARATAN

National Research University – Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation.

Shkaratan Ovsyey Irmovich — Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor of Sociology, Honored Scientist of Russian Federation, Tenured Professor of National Research University – Higher School of Economics, Head of Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development. **Address:**, Shabolovka st., 26-4, of. 42346, 119049, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7(495) 772-95-90. **Email:** ovsey@hse.ru

SOCIAL SYSTEM, FACING TO THE PAST (PART 1)

Abstract. Social system of modern Russia is regarded as a continuation of soviet socioeconomic order which historical roots have deepened in the centuries-old past of the country — representative of Eurasian Orthodox civilization. Different stages of its development are explored since XIII century to current day. Eventually it is shown the collapse of communist system in Russia has implied a transition of Eurasian civilization to the new stage of its evolution which is Neo-Etacratic socio-economic order and classic authoritarianism.

In the first part of the article the influence of the passed way on social system of modern Russia is putting forward as well as it's shown that by the middle of XIII century Rus was early feudal society, deeply intertwined with Europe through economic, political, cultural and dynastic links. Horde system, accompanied with Asian despotism and Asian (state) mode of production, introduced classless social structure without private property into Russia. Afterwards state has forever dominated over Russian society and become main factor of its development. Based on this historical ground, estate order has formed as a distinctive institutional and stratification system of Muscovy Rus — as well as tsarist, soviet and post-soviet Russia.

Keywords: Etacratism, Neo-Etacraticism, estate system, dualistic social stratification, power-estate relations, state mode of production, Eurasian civilization.

REFERENCES

1. Auzan A.A. Krizis ozhidaniy i varianty sotsial'nogo kontrakta. [The crisis of expectations and social contract variants.] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004. No. 5. P. 16–23. (In Russ.)
2. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [The history of Russia: the end or the new beginning?] 3rd ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
3. Billington J.H. The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture. [Russ. ed.: Billington Dzh. Kh. *Ikona i topor. Opyt istolkovaniya istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Rudomino Publ., 2001. 880 p.]
4. Billington J.H. The Face of Russia: Anguish, Aspiration, and Achievement in Russian Culture. [Russ. ed.: Billington Dzh. *Liki Rossii. Stradanie, nadezhda i sozidanie v russkoi kul'ture*. Moscow: Logos Publ., 2001. 247 p.]
5. Braudel F. La Grammaire Des Civilisations. [Russ. ed.: Brodel' F. *Grammatika tsivilizatsii*. Moscow: Ves' Mir Publ., 2008. 545 p.]
6. Gusarova Yu. Andrei Konchalovsky vs Alexander Auzan: Russian people have no desire to be rich, 25.02.2015. *Snob.ru* [online]. Accessed 25.02.2015. URL: <<http://snob.ru/selected/entry/88524>>. (In Russ.)
7. Klyuchevskii V.O. *Istoriya soslovii v Rossii*. [History of estates in Russia.] 3rd. ed. Petrograd: Lit.-izd. otel Komissariata narodnogo prosveshcheniya, 1918. 276 p.
8. Konchalovskii A. About the crisis of the Church, President-traitor and the looking for happiness., 30.04.2013. *RBC* [online]. Accessed 21.01.2015. URL: <top.rbc.ru/viewpoint/30/04/2013/856341.shtml>. (In Russ.)
9. Levada Yu. *Ishchem cheloveka. Sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005*. [Looking for a man. Sociological essays. 2000–2005.] Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 384 p.
10. Medushevskii A.N. Agrarian reforms in Russia: Projects and implementation. *Mir Rossii*. 2007. No. 1. P. 59–98. (In Russ.)
11. Medushevskii A.N. *Proekty agrarnykh reform v Rossii XVIII – nachalo XXI veka*. [Projects of agrarian reforms in Russia in XVIII – beginning of the XXI century.] Moscow: Nauka Publ., 2005. 639 p.
12. Milyukov P.N. *Istoriya Vtoroi russkoi revolyutsii*. [History of the Second Russian Revolution.] Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 768 p.
13. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii. KhVIII – nachalo KhKh v. Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. [Social History of Russian Empire period. XVIII – the beginning of the XX century. The genesis of person, democratic family, civil society and constitutional state.] Vol. 1. 2nd ed. St Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2000. 586 p.
14. Paips R. *Sobstvennost' i svoboda*. [Property and Freedom.] Ed. by O. Razumenko. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2000. 415 p. (In Russ.)
15. Pastukhov V.B. Step back, two steps forward. Russian society and the state in the intercultural space. *Polis. Political Studies*. 2005. No. 6. P. 66–91. (In Russ.)
16. Pivovarov Yu.S. O “sovetskom” i putyakh ego preodoleniya (stat'ya pervaya). [The “Soviet” and ways to overcome it (first article).] *Polis. Political Studies*. 2014. No. 1. P. 60–82. (In Russ.)
17. Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. Russkaya Sistema i reform. [The Russian System and reforms.] *Pro et Contra*. 1999. Vol. 4. No. 4. P. 176–196. (In Russ.)
18. *Sobstvennost' na zemlyu v Rossii: istoriya i sovremennost'*. [Land Ownership in Russia: Past and Present.] Ed. by D.F. Ayatskov. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002. 587 p.

19. Tyukavkin V.G. *Velikorusskoe krest'yanstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma*. [The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reforms.] Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2001. 304 p.
20. Chernikova T.V. Srednevekovoe zemlevladienie i problemy feodalizma v russkoi istorii [Medieval land ownership and problems of feudalism in Russian history.]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005. No. 5. P. 96–108.
21. Chubais I. *Rossiya v poiskakh sebya. Kak my preodoleem ideinyi krizis*. [Russia in search of itself. How do we overcome the ideological crisis.] Moscow: NOK "Muzei bumagi" Publ., 1998. 158 p.

Received: 27.01.2015.
